

Яков Змеев и Афанасий Челищев: история одной «измены»

Алексей Синелобов

В отечественной историографии последних десятилетий оживился интерес к драматическим событиям Смутного времени в России. За последнее время был издан ряд сборников документов с широкой и разнообразной подборкой материалов, переизданы мемуары участников событий и вышло в свет несколько монографических исследований¹. В условиях комплексного кризиса госу-

© 2013 г. А.П. Синелобов

¹ *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе. М., 1990; *Тюменцев И.О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999; *Морозова Л.Е.* Смута начала XVII в. глазами современников. М., 2000; Памятники Смутного времени. Тушинский вор. Личность, окружение, время. Документы и материалы // Труды исторического факультета МГУ. М., 2001; *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М., 2000; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. Сборник документов. М., 2003; *Мирский С.В., Рыбалко Н.В., Тузикова Н.А., Тюменцева Н.Е.* Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов: Опыт реконструкции и источниковедческого анализа. Волгоград, 2005; *Осадный список 1618 г.* // Памятники истории Восточной Европы. Т. VIII. М., 2009.

дарства и общественных отношений в атмосфере гражданской войны и польско-шведской интервенции общегосударственная катастрофа выражалась во множестве локальных трагедий. В этом многообразном калейдоскопе остаётся ещё не только много белых пятен, но и историографических мифов, которые сформировались в силу некритического использования исторических источников. Одному из таких сюжетов эпохи Смутного времени посвящена данная статья.

В июле 1610 г. польские войска, служившие Лжедмитрию II, захватили и разорили боровский Пафнутьев монастырь. По сведениям «Нового летописца», городские воеводы Яков Змеев и Афанасий Челищев совершили измену и открыли осаждавшим полякам острожные ворота монастыря, что привело к массовой резне его защитников и гибели 12 тыс. человек. Эта версия утвердилась в литературе и исторических описаниях Пафнутьева монастыря. И сегодня ещё в обители паломникам и туристам показывают Тайницкую башню измены и клеймят воевод-предателей². При этом не осуществлялось даже попыток проверить эти сведения, хотя версия «Нового летописца» о захвате Пафнутьева монастыря не подтверждается сведениями других русских источников.

«Новый летописец» является центральным памятником эпохи Смутного времени. По мнению С.Ф. Платонова и Л.В. Черепнина этот официальный свод возник около 1630 г. в кругу патриарха Филарета. Главная идеологическая цель «Нового летописца» – укрепить новую царскую династию и подчеркнуть её роль в преодолении Смуты³. Идеиная направленность памятника во многом определила его структуру и особенности информативности. Несмотря на своё название, источник состоит не из погодных записей современников событий, а из заранее определенного автором набора наиболее трагических сюжетов Смуты. Они выстроены в хронологической последовательности, но полностью лишены логической связи друг с другом. Автор «Нового летописца» привлекал неравнозначные источники, причём сведения использовались выборочно и соединялись подчас искусственно для усиления драматизма и создания целостной картины⁴.

Версия «Нового летописца» о захвате Пафнутьева монастыря не подтверждается сведениями польских мемуаристов – непосредственных участников событий. Один из них, мозырский хорунжий Будила, вёл дневник, охватывавший период с 1603 по 1613 г., который известен под названием «История ложного Дмитрия». Другой памятник, «Летопись Московская», был написан выпускником Лейпцигского университета Мартином Бером, который более 12 лет прожил в России. В годы Смутного времени Бер вёл записи, которые содержат яркие характеристики многих участников событий тех лет. Бер был лично знаком с Я. Маржеретом, П. Басмановым, двумя Лжедмитриями, Мариной Мнишек и гетманом Я. Сапегой. Часть дневниковых записей Бера использовал его тесть К. Буссов при написании своей «Московской хроники»⁵. В отличие от «Нового летописца» описания поляков более последовательны и детальны, что

² ПСРЛ. Т. 14. СПб., 1910. С. 98–99; *Ханыков В.В.* Летопись Калужская от отдаленных времен до 1841 г. М., 1878. С. 50; Преподобный Пафнутий, игумен и чудотворец Боровский, и его обитель. Калуга, 1999. С. 98.

³ *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени. СПб., 1913. С. 310–340; *Черепнин Л.В.* «Смута» и историография XVII века. Из истории древнерусского летописания // Исторические записки. Т. 14. М., 1954. С. 81, 109–113.

⁴ *Морозова Л.Е.* Указ. соч. С. 301–373.

⁵ Памятники Смутного времени... С. 23–25.

позволяет восстановить общую картину с учётом событий, предшествующих монастырскому взятию.

В лагере Лжедмитрия II собралось большое количество польских дворян. Уже летом 1608 г. троюродный брат королевского канцлера Л. Сапеги Ян Пётр Павел Сапега во главе крупного отряда вторгся в Россию под предлогом помощи самозванцу. Наиболее активно на южном и юго-западном направлении от столицы действовал один из полков Сапеги под командованием ротмистра Анджея Млоцкого. Весной 1609 г. его полк был отправлен под Коломну с целью перерезать пути подвоза продовольствия в Москву. В результате стычек рязанские обозы были захвачены тушинцами, а правительственные войска кн. В.Ф. Мосальского заперлись в Коломне. В июле 1609 г. с помощью подоспевших на помощь отрядов П. Ляпунова Мосальскому удалось нанести поражение полякам, и они были вынуждены отступить к Серпухову. Однако уже в октябре 1609 г. Млоцкий получил подкрепление и нанёс поражение царским войскам. С конца 1609 г. начались длительные переговоры Сапеги с королём Сигизмундом III об условиях перехода польских сил из лагеря самозванца в королевские части. Не зная ещё окончательных условий короля, польские полки Сапеги стали отставать от самозванца, который в январе 1610 г. бросил тушинский лагерь и бежал в Калугу. 13 января 1610 г. полк Млоцкого отошёл от Коломны и вступил в Серпухов. Среди его войска возникли разногласия, поскольку донские казаки Беззубцева не хотели отказываться от присяги Лжедмитрию II. Оставив в Серпухове небольшое число людей, Млоцкий напал на казаков. Однако одолеть их он не сумел и потерял много людей, а на его обоз в Серпухове напали горожане, перебившие всех слуг поляков. Уцелевшие люди Млоцкого ушли к Боровску, в феврале сделали попытку завладеть городом, но были разбиты. Тогда, желая угодить Сигизмунду III, Млоцкий направился под Можайск, где ему удалось разгромить небольшие части казаков, и отослал их хоругви польскому королю⁶. Весной 1610 г. пришло известие от короля, который соглашался заплатить деньги перешедшим на его сторону полякам из лагеря Лжедмитрия II, однако король заранее ограничил число новых наемников до 2 тыс. человек. Это условие вызвало разочарование среди панов. В мае 1610 г. Сапега покинул лагерь короля. Также его полковники, в том числе Млоцкий, вернулись в стан к Лжедмитрию II, который в своих грамотах обещал заплатить всем. Польские паны встали лагерем в Прудках близ Медыни и на реке Угре, ожидая от самозванца обещанного. В июне 1610 г. Лжедмитрий II покинул Калугу и приехал в расположение польских полков. По сведениям королевского гетмана Жолкевского, самозванец заплатил каждому всаднику по 41 злотому и польские полки, возглавляемые Сапегой, двинулись к Москве. В числе этих войск находился полк хорунжего Будилы, насчитывавший 400 казаков, 600 пятигорцев и 200 гусар. В начале июля армия самозванца подошла к Боровску, однако русский гарнизон не стал оборонять крепость и ушёл в Пафнутьев Боровский монастырь, который был осаждён поляками. Монастырь оказался хорошо укреплён, по периметру каменных стен были выкопаны и заполнены водой глубокие рвы. Между рвом и стеной защитники разбили укрепленные палисадники, поэтому первые три штурма были отбиты. Дальше предоставим слово непосредственному участнику событий, хорунжему Будиле: «Наше войско, стоявшее в готовности около этого монастыря, увидев, что осаждённые

⁶ Памятники Смутного времени... С. 58; ПСРЛ. Т. 14. С. 94.

бьются крепко и нападающие несут потери, по данному знаку со всех сторон ринулось с великим криком и, прилетев к стенам на конях, соскочило с коней и сначала ворвалось в палисадник. Русские, перепугавшись от этого грома, побежали в каменный монастырь, за которыми наши сейчас же вскочили на стены, не дав русским ни развернуться, ни запереть ворота, и в ярости всех до одного вырезали». Похожий рассказ содержится в рукописи гетмана Жолкевского: «монастырь был окружён малою стенкою, окрестных поселян собралось такое множество, что они не могли поместиться в монастыре, и множество их расположилось около онаго за рогатками. Наши, находящиеся с самозванцем, увидев сие, напали на них; крестьяне пустились бежать в монастырь с таким стремлением, что нельзя было затворить ворот; за ними вторгнулись наши и убили в церкви князя Волконского, которого Шуйский назначил туда воеводой; перебили иноков, чернецов и всю толпу, ограбили монастырь и церковь»⁷.

Из этих рассказов следует, что оборона монастыря велась в палисадниках, а не на стенах обители, и поэтому поляки ворвались в обитель на спинах защитников. «Новый летописец» сообщает цифру убитых – 12 тыс. человек. Нисколько не снижая характер произошедшей в монастыре трагедии, отметим, что цифра существенно завышена. Автор «Летописи Московской» Мартин Бер сообщает, что монастырь сожгли до основания, перебив в нём священников, бояр и 500 стрельцов, присланных из Москвы на помощь. По сведениям польского ротмистра Николая Мархоцкого, когда Сапега подошёл к Боровску, город оборонял царский гарнизон в 10 тыс. человек. Однако следует иметь в виду, что Мархоцкий не участвовал в монастырском взятии, поэтому в своих записках ошибочно написал об осаде города Боровска, а не Пафнутьева монастыря⁸.

Почему же польские мемуаристы не сообщили об измене воевод? Нашлись ли вообще Я. Змеев и А. Челищев в осаде? Можно ли доказать или опровергнуть версию «Нового летописца» об их измене? В этом сюжете очень загадочным выглядит попытка свалить всю вину на воевод. Эти провинциальные дворяне среднего звена остались в отечественной истории с клеймом предателей. При этом в отечественной историографии не было попыток установить личности воевод и проследить их деятельность в годы Смуты.

Дворяне Змеевы являлись ответвлением старомосковского боярского рода Беклемишевых. Уже в XVI в. они сильно размножились, поэтому родословец этой фамилии страдает неполнотой. Около десятка Змеевых погибли в Казанских походах и Ливонской войне. По данным родословца, опубликованного В.В. Руммелем, боровским воеводой был бездетный Яков Матвеевич Змеев. В 1562–1563 гг. он участвовал в полоцком походе, а в 1605–1606 гг. был воеводой в Путивле и Рыльске⁹. Следует отметить, что в источниках встречается ещё один Яков Матвеевич Змеев, который в середине 1550-х гг. с братом Иванцом служил по Мещовску. Этот Яков не пережил правления царя Ивана Грозного. Во время набега на Москву крымского хана Девлет-Гирея в 1571 г. среди погибших по Мещовску упоминается Нечай Матвеевич Змеев, который носил, вероятно, имя Яков¹⁰.

⁷ Муханов П. Рукопись Жолкевского. М., 1835. С. 108–109.

⁸ Мархоцкий Н. Указ. соч. С. 79.

⁹ Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословной сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886. С. 305.

¹⁰ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. (далее – ТКиДТ). М., 1950. С. 172; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1906. С. 401; Синодик по убиенных во брани // Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 184.

По сведениям «Нового летописца», в 1605 г. рыльские воеводы кн. Г. Роща-Долгоруков и Яков Змеев не пустили в город воевод царя Бориса Годунова¹¹. В 1607 г. Змеев стал вторым воеводой в Боровске вместе с кн. Н.А. Хованским. Вероятно, произошло это после проведения карательной акции кн. Ф. Мстиславского по возвращению горожан в подданство царю Василию Шуйскому. В 1608 г. первый воевода кн. Хованский (в монашестве Нифонт) умер, но о Змееве никаких сведений нет¹². В январе 1610 г. единственным воеводой в Боровск был послан кн. Михаил Волконский, о котором сообщают русские разрядные материалы и польские мемуаристы¹³. Поэтому можно предположить, что автор «Нового летописца» искусственно продлил воеводство Змеева. Также несуразно выглядит попытка придумать третьего воеводу Афанасия Челищева, поскольку в небольших подмосковных городах, каким был Боровск, никогда не было такого количества воевод.

Челищевы – старая фамилия юго-западных землевладельцев, возводивших свой род к воеводе Михаилу Бренку, героически сражавшемуся и погибшему в Куликовской битве 1380 г. В XVI в. многочисленные представители рода служили по Калуге, Мещовску, Медыни и Малоярославцу. С последней четверти XVI в. некоторые Челищевы владели землями в Малоярославецком Заячковом стане на границе с Боровским Щитовым станом. Боровскими дворянами и землевладельцами были Богдан Михайлович и Афанасий Данилович с детьми и внуками, которым принадлежали поместья и вотчины в Окологородном и Лужецком станах¹⁴.

Из двух поколений Челищевых, способных действовать в Смутное время, известно три Афанасия. Первого, торопецкого дворянина Афанасия Игнатьевича Русинова-Челищева следует отклонить, поскольку он начал служить только с 1613 г. В 1613–1617 гг. он служил по Торопцу с окладом 11 руб. из Галицкой чети. В начале 1620-х гг. он имел поместный оклад 550 четей; его служба продолжалась до 1660-х гг. Второй, малоярославецкий дворянин Афанасий Юрьевич, не мог быть «изменником», так как в 1610 г. находился в осаде в Пафнутьеве монастыре и был убит. Таким образом, речь может идти только о боровском дворянине Афанасии Даниловиче Челищеве. Сразу становится понятно, что Афанасий находился в осаде не в качестве воеводы. Еще с удельных времён сформировалась традиционная практика обороны городов силами окрестных землевладельцев. В своей челобитной 1628–1631 гг. Афанасий Данилович просил подтвердить грамоту царя Василия Шуйского, по которой он за московское осадное сидение получил из своего поместья в Боровском Лужецком стане 115 четей в вотчину. Челобитчик аргументировал свою просьбу тем, что в 1609–1610 гг. находился в осаде в Пафнутьеве монастыре, был захвачен в плен и находился под стражей в селе Коломенское. Сведения челобитной не позволяют сразу опровергнуть версию «Нового летописца», но следует иметь в виду, что просьба челобитчика была удовлетворена. В первое послесмутное

¹¹ ПСРЛ. Т. 14. С. 62.

¹² Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 142, 213, 216; Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 1. СПб., 1854. С. 281.

¹³ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 18.

¹⁴ ТКиДТ. С. 73, 169; Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 2. СПб., 1877. С. 833, 839; Юшков А. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. 1257–1613 гг. М., 1898. № 228; Боровский уезд в XVII в. (Материалы дозора 1613 года). М., 1992. С. 34, 41, 87; Синелобов А.П. Феодалное землевладение Боровского уезда в XIV – первой трети XVII вв. М., 2011. С. 91–92.

десятилетие Афанасий Данилович принадлежал к верхушке боровской военно-землевладельческой служилой корпорации. В разборной десятне 1622 г. он показан в числе дворовых с жалованием 22 руб. из Галицкой чети. Такая форма денежного жалования являлась признаком поощрения за заслуги служилого человека, который допускался в четь, выполнял различные административные и военные поручения в городах своей чети и мог претендовать на регулярные выплаты. В 1628 г. Афанасий Данилович верстал новиков в уезде, что также указывает на авторитетное положение дворянина в служилой корпорации. Удачно складывалась карьера его сына Гаврилы. В осадном списке 1618 г. напротив его имени имеется помета «не верстан», а по боровской десятне 1622 г. он уже «у государя в житье»¹⁵.

Годы Смуты были насыщены разного рода шатаниями и изменами. В высших правительственных кругах в силу разных причин прощали и забывали интриги и предательства, но на уровне провинциального уездного военно-служилого сообщества и посадского мира явный изменник не сумел бы сохранить своего положения. В заключение отмечу, что нельзя не прислушаться к сведениям польских мемуаристов. Для большинства из них было свойственно высокомерие и пренебрежение к России и её населению. Поэтому авторы обязательно подчеркнули бы факт измены, которая становилась для них прекрасным поводом ещё раз унижить «отсталых москвитов».

¹⁵ ПСРЛ. Т. 14. С. 98–99; Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб., 1872. Стб. 199–200; *Сторожев В.Н.* Материалы для истории русского дворянства. Вып. 2. М., 1908. С. 142; *Челищев Н.А.* Сборник материалов для истории рода Челищевых. СПб., 1893. С. 79–80, 158; *Шумаков С.А.* Сотницы, грамоты и записи. Вып. 6. М., 1911. С. 29–30; *Зерцалов А.Н.* О верстании новиков всех городов 7136 года // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 4. М., 1895. С. 52; Осадный список 1618 г. С. 61; *Белоцерковский Г.М.* Боровская «разборная десятая» 1622 г. Киев, 1914. С. 32.